

Дмитрий Иванов

Феноменальное сознание

В 1984 году несколько газет Великобритании обратились к своим читателям с вопросом «Сознавали ли вы что-нибудь во время хирургических операций, когда находились под общей анестезией?». В ответ от читателей пришло множество писем, в которых пациенты сообщали, например, следующие подробности того, в какой ситуации они оказались¹:

Чувство беспомощности было ужасающим. Я пытался дать знать персоналу, что я в сознании, но я не мог даже пошевелить пальцем или моргнуть. Я был словно зажат в каких-то тисках, и постепенно я осознал, что оказался в ситуации, из которой нет выхода. Я почувствовал, что становится невозможно дышать. Мне оставалось только смириться с тем, что я умираю.

Пациент: Мужчина, сорок пять лет, бронхоскопия, 1978.

Проводимый английскими газетами опрос был вызван случаями обращения пациентов в суды с жалобами на то дискомфортное состояние, в котором они пребывали во время операций, будучи под общей анестезией. Ведь предполагалось, что проведение операций с использованием общей анестезии избавит пациентов от осознания того состояния, в котором они находятся. Например, будет отсутствовать осознание боли. Иначе говоря, полагается, что, если вы под общей анестезией, то вы в бессознательном состоянии.

Если вспомнить, то именно этот взгляд отражен в том представлении о сознании, которое дает Сёрл²:

То, что я подразумеваю под “сознанием”, лучше всего продемонстрировать на примерах. Когда я просыпаюсь после лишённого сновидений сна, я вступаю в состояние сознания, которое продолжается, пока я бодрствую. Когда же я засыпаю,

¹ Цит по: Güzeldere G. The Many Faces of Consciousness: A Field Guide // The Nature of Consciousness. – Cambridge, Mass: MIT Press, 1997, p. 1.

² Сёрл Дж. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002, стр. 93.

оказываюсь под общей анестезией или умираю, мои состояния сознания прекращаются.

В определенном смысле можно согласиться с тем, что под общей анестезией вы утрачиваете какое-то сознание. Однако, как показывают отмеченные выше случаи жалоб пациентов, тот вид сознания, который утрачивается во время общей анестезии, не является единственным видом сознательной активности. Какой-то элемент сознательной жизни все же сохраняется и тогда, когда многие были бы склонны описать пациента как бессознательного. По-видимому, объяснение именно этого вида сознательного опыта и представляет собой сложную проблему.

Сталкиваясь со случаями, подобными описанным выше, понимаешь, насколько сложным и фундаментальным оказывается вопрос о природе сознания. Демонстрируя сложность данного вопроса, Гюзелдер, например, замечает, что медицинские учреждения, пытаясь избежать судебных разбирательств, связанных со случаями, зафиксированными в пост-операционных отчетах пациентов, с радостью применили бы на практике какое-нибудь устройство, которое отмечало бы наличие сознания, когда пациент не реагирует ни на какие стимуляции и кажется бессознательным. Однако такого «монитора для сознания» в настоящий момент не существует, и его отсутствие связано не с какими-либо техническими трудностями, а с тем, что не ясно в принципе какого рода данные должны регистрироваться этим прибором при попытках выявить сознание у подобного пациента³.

Создать прибор, фиксирующий физические следы присутствия сознания, было бы гораздо легче, если бы мы понимали, за реализацию какой функции ответственно сознание. Это позволило бы нам искать выполняющий ту же функцию физический коррелят сознания. По сути, пытаясь ответить на вопрос о сознании, мы сталкиваемся с вызовом эпифеноменализма. Согласно эпифеноменализму, сознание не обладает никакой реальной функцией, никакой каузальной силой. Будучи побочным продуктом деятельности мозга, оно само никак не влияет на функционирование нашего организма. Оно подобно свистку паровоза, который, являясь побочным продуктом работы парового двигателя, не способен оказать какое-либо воздействие на движение поезда.

Не вдаваясь в анализ дискуссий сторонников и противников эпифеноменализма, отмечу лишь, что стандартное возражение против этой теории сознания строится по следующей схеме. Тот, кто стремится

³ Güzeldere G. The Many Faces of Consciousness: A Field Guide, pp. 1-2

показать, какую функцию выполняет в нашем организме сознание, рассматривает случаи его отсутствия и, отмечая соответствующие изъяны в поведении человека, делает выводы о том, что приносит в нашу жизнь сознание. Однако, как продемонстрировал Блок, такой способ рассуждения является ошибочным. Чтобы увидеть это, можно рассмотреть следующий пример.

Сёрл, пытаясь определить функции сознания, обращается к особым случаям эпилепсии *petit mal*, которые исследовал Пенфилд. Эта слабая форма эпилепсии характеризуется отсутствием сознательного контроля над совершаемыми действиями. В моменты приступов такой эпилепсии человек продолжает совершать автоматически хорошо знакомое ему действие, однако не способен к гибкости и креативности в своем поведении. Например, в момент приступа музыкант может продолжить играть на фортепьяно, а водитель способен доехать по привычному для себя маршруту до дома. Согласно Сёрлу, пациент, пребывающий в таком состоянии, является совершенно бессознательным, т.е. он лишен субъективного сознательного опыта. Из этого факта Сёрл делает вывод, что функция сознания, то эволюционное преимущество, которое оно нам дает, заключается в том, что оно приносит в наши действия большую гибкость, чувствительность и креативность⁴ [Сёрл Дж. 2002, с. 113-114].

Однако, как отмечает Блок, этим примером Сёрлу не удастся показать, что у данного пациента полностью отсутствовало сознание в момент эпилептического припадка. Вполне возможно, что у него присутствовал тот вид сознательного опыта, который отмечался и у пациентов, находящихся под общей анестезией. Например, водитель во время такого эпилептического припадка мог бы продолжать распознавать, не отдавая себе отчета в этом, какие-то аспекты окружающей среды, т.е. они были бы даны ему каким-то образом: поворот направо за красным домом отличался бы от поворота налево за зеленым забором. Если это возможно, то функционирование данного типа сознания по-прежнему остается для нас неясным, ведь наличие подобного сознательного опыта у водителя, который в состоянии приступа продолжает автоматически вести свою машину, означает, что гибкость, чувствительность, креативность в наших действиях не зависят от данного вида сознания.

⁴ Сёрл Дж. Открывая сознание заново, стр. 113-114.

Ошибка Сёрла и многих других философов и ученых, рассуждающих подобным образом, по мнению Блока, заключается, прежде всего, в том, что они не проводят различие между двумя типами сознания. Смешение двух видов сознания приводит к тому, что функция одного вида сознания неоправданно распространяется на весь сознательный опыт, и отсутствие этого вида сознания принимается за свидетельство того, что субъект находится в бессознательном состоянии. В результате всего этого действительно сложный элемент психической жизни может остаться без внимания. Фактически, в таком необоснованном смешении разных видов сознания Блок упрекает Сёрла, который в ситуации отсутствия какого-то элемента субъективного опыта (общая анестезия, эпилептический припадок) сделал вывод о полной бессознательности субъекта.

По мнению Блока, чтобы избежать подобного смешения, мы должны выделять следующие два вида сознания: феноменальное сознание (Phenomenal Consciousness) и доступное сознание (Access Consciousness). Блок обозначает их как P-consciousness (Ф-сознание) и A-consciousness (Д-сознание).

Признавая подобно Сёрлу невозможность дать определение сознания, в котором не содержалось бы круга, Блок все же надеется более четко определить тот вид сознания, который представляет особый интерес и особую сложность при объяснении. Таким элементом является феноменальное сознание. Прежде всего, феноменальное сознание характеризуется тем, что это опыт (experience), т.е. существо, обладающее этим сознанием, что-то испытывает. Далее, этот опыт проживается уникальным для данного существа образом. Наличие этого вида опыта означает, что мы можем говорить об особом виде бытия тем или иным существом. Используя выражение Нагеля, можно сказать, что когда имеется феноменальное сознание, имеется «что-то, что значит быть этим существом» (what it is like to be). Блок следующим образом задает парадигмальные примеры феноменального сознания.

Мы обладаем Ф-сознательными состояниями, когда смотрим, слышим, нюхаем, пробуем на вкус, испытываем боль. Ф-сознательные свойства включают такие экспериенциальные свойства, как ощущения, чувства и восприятия, но я также включил бы сюда мысли, желания и эмоции⁵.

⁵ Block N. On a Confusion About a Function of Consciousness // The Nature of Consciousness. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997, p. 380.

По мнению Блока, феноменальные сознательные свойства должны быть отличены от когнитивных, интенциональных и функциональных ментальных свойств, т.е. феноменальное сознание должно отличаться от мыслительной, по преимуществу, активности, репрезентирующей какие-либо объекты, описываемой в терминах вычислительных процессов. Подобным различием Блок, как мне кажется, стремится, прежде всего, выделить тот вид психической активности, который, начиная с философии Нового времени и заканчивая бихевиоризмом и современным функционализмом, систематически упускался в пользу сознания, понятого как рациональная деятельность, как совершение интеллектуальных, мыслительных операций.

Как противоположность феноменальному сознанию сознание с подобными характеристиками фиксируется Блоком в понятии доступного сознания.

Состояние является Д-сознательным, если оно достигает уровня, необходимого для непосредственного контроля за мыслями и действиями. Более детально, некая ментальная репрезентация является Д-сознательной, если она достигает уровня, необходимого для беспрепятственного использования в процессе размышления и для непосредственного «рационального» контроля за действиями и речью⁶.

Парадигмальными примерами Д-сознания являются мысли, мнения, желания, т.е. те состояния, которые выражают пропозициональную установку (*propositional attitude*), т.е. представляют определенным образом какое-либо содержание. Как правило, содержание данных ментальных актов может быть передано придаточным предложением с союзом «что»: «Некто полагает, что...». Очевидно, что такие состояния являются репрезентативными, т.е. они представляют некое положение дел. Кроме того, эти состояния являются функциональными, т.е. содержание ментальных актов, которые репрезентируют некое положение дел, может стать причиной определенных действий или психологических состояний. Например, если некто жаждет утолить жажду и видит перед собой стакан воды, то наличие в сознании данного человека содержания, выраженного предложениями «напротив меня

⁶ Ibid., p. 382.

стакан воды» и «вода утоляет жажду», способно вылиться во вполне определенные действия. По сути, этот вид сознания наиболее адекватно представляется в терминах управления информационными процессами и в таком своем качестве является удобным объектом для исследования с помощью функционалистской, когнитивистской методологии.

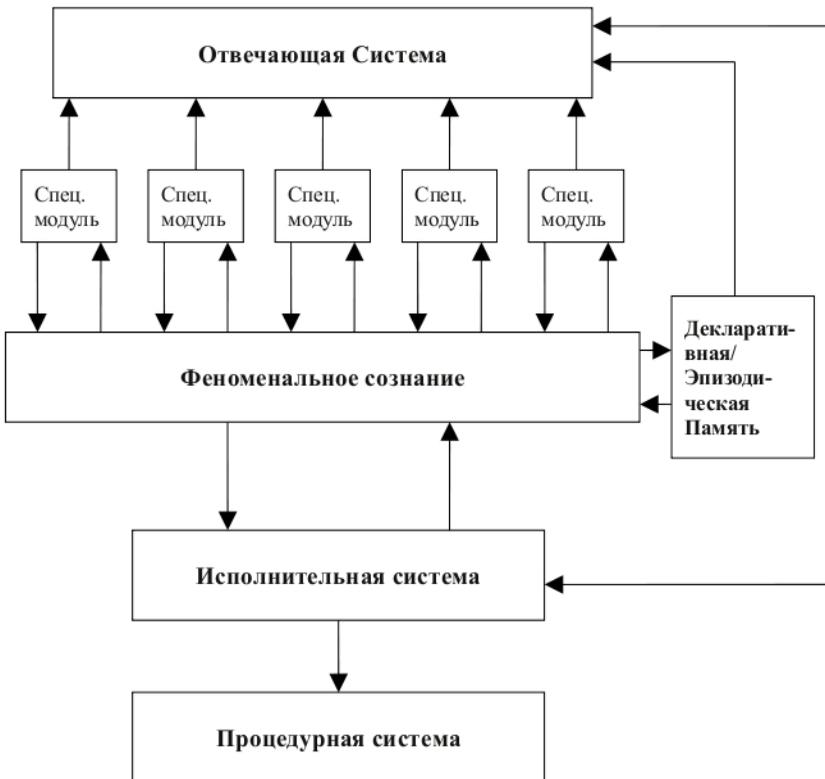
Итак, Блок выделяет феноменальное сознание, связанное с проживанием определенного опыта, и доступное сознание, которое можно еще назвать пропозициональным сознанием или даже информационно-процессуальным сознанием. Задав эти два вида сознания, Блок следующим образом демонстрирует те трудности, с которыми сталкиваются исследователи, пытающиеся выявить основные функции сознания.

Большинство ученых и философов не проводит различия между разными видами сознания. Как правило, они пытаются объяснить сознание как нечто единое. При этом, предлагая свои теории сознания, они полагают, что объяснили сознание в его существенных свойствах, т.е. прояснили феноменальное сознание. Однако, как отмечает Блок, по сути, все теории дают объяснение сознания в аспекте его информационно-процессуальных свойств, т.е. объясняется Д-сознание. Например, когда мы описываем функции сознания и говорим, что оно приносит в наше поведение гибкость и креативность [Сёрл Дж. 1997], или что оно делает возможным мышление, усиливает семантические способности, способствует нашей адаптивности [Flanagan О. 1997], мы, фактически, описываем Д-сознание. Ведь именно этот тип сознания ответственен за контроль над поведением, мышлением, речью, т.е. над теми процессами, которые могут быть представлены с позиции функционализма. Поскольку этот тип сознания представляется, прежде всего, как процесс обработки информации, объяснение этого сознания не является сложной проблемой для различного рода когнитивистских и функционалистских методологий.

В отличие от объяснения Д-сознания объяснение Ф-сознания является действительно сложной проблемой. Прежде всего, непростой задачей оказывается определение функций самого феноменального сознания. Пытаясь выявить функции Ф-сознания, мы смотрим на ситуации дефицита сознания у какого-либо пациента с тем, чтобы определить, что именно утрачивает этот субъект по сравнению с нормальным человеком. Однако, как правило, в ситуациях отсутствия Ф-сознания отсутствует и Д-сознание. В свою очередь это значит, что мы не можем наверняка утверждать, что те функции, которые мы приписываем,

например, феноменальному сознанию, действительно принадлежат ему, а не другому виду сознания. Иначе говоря, когда отсутствуют два вида сознания, мы не можем наверняка полагать, что дефицит в психической жизни пациента вызван именно отсутствием Ф-сознания, а не Д-сознания. Однако, если Блок прав, и мы действительно оказываемся в подобной ситуации, то это значит, что эпифеноменализм в отношении феноменального сознания в принципе возможен.

Схема 1:

Иллюстрируя взаимодействие феноменального сознания с другими когнитивными системами, Блок использует схему (Схема 1), предложенную Шактером и его коллегами⁷. На этой схеме феноменальное сознание представлено в виде отдельного модуля. Содержание специальных модулей, отвечающих за первичную обработку информации, поступающей, в том числе, от внешнего мира, например, содержание зрительного восприятия, сперва достигает этого модуля. Затем информация из этого модуля поступает в исполнительную систему – модуль, ответственный за контроль над мышлением и поведением. Д-сознание на схеме не представлено в виде отдельного блока, поскольку оно характеризуется, скорее, теми информационными отношениями, которые устанавливаются между модулями. Фактически, оно может быть определено как та информация, которая достигает модуля исполнительной системы, т.е. как та информация, которая может быть использована для принятия решения, для организации мышления и поведения. Сам Блок характеризует такой взгляд на феноменальное сознание как картезианский модуляризм. Это название созвучно с названием «картезианский материализм», которое предложил Деннет для обозначения материалистической позиции, предполагающей наличие материального центра где-нибудь в мозге, ответственного за производство сознания, субъективности.

Выделение феноменального сознания в отдельный модуль может подразумевать его изъятие из системы когнитивных отношений таким образом, что в целом функционирование системы останется без изменения. Например, функции модуля феноменального сознания мог бы взять на себя какой-нибудь субститут феноменального сознания. Он продолжал бы определенным образом, свойственным данному модулю, перерабатывать информацию, однако был бы лишен феноменального содержания. Принять такой взгляд означало бы допустить, что феноменальное сознание не выполняет никаких функций. Именно это предполагает эпифеноменализм. Представить такую ситуацию, фактически, означает признать концептуальную возможность зомби – существ, функционирующих подобно обычным людям, но лишенных феноменального сознания. По сути, зомби – это совершенный искусственный интеллект, который способен к такой же психической активности, как и нормальный человек, однако в отношении него не

⁷ Schacter D.L., McAndrews M.P., Moscovitch M. Access to Consciousness: Dissociations between Implicit and Explicit Knowledge in Neurological Syndromes // Thought without Language. – Oxford: Oxford University Press, 1988.

правильно было бы говорить о наличии особого опыта бытия таким компьютером. По крайней мере, так кажется интуитивно.

Блок не склонен допускать реальную возможность зомби, предполагая, что мы слишком мало знаем о феноменальном сознании. Вполне возможно, что оно выполняет какие-то специфические функции в общей когнитивной системе. Можно было бы согласиться с Блоком в том, что мы мало знаем об этом модуле, но при условии, что мы вообще признаем его существование. Однако, чтобы принять его существование, мы должны быть способны помыслить его концептуально как отдельный модуль. Поскольку Блок отмечает, что оба вида сознания присутствуют и отсутствуют одновременно, что затрудняет определение функций Ф-сознания, постольку для обоснования разделения сознания на эти два вида ему необходимо, прежде всего, продемонстрировать возможность наличия Д-сознания без Ф-сознания. Затем, ему нужно показать, что Ф-сознание не является специальным случаем Д-сознания, т.е. нужно привести примеры Ф-сознания без Д-сознания. Однако, пытаясь выполнить первую задачу, т.е. продемонстрировать концептуальную возможность Д-сознания без Ф-сознания, Блок, фактически, сталкивается с необходимостью допустить концептуальную возможность зомби.

Чтобы представить наличие Д-сознания без Ф-сознания, Блок обращается к результатам ученых, исследовавших пациентов со слепым полем зрения (blind sight). Суть исследований заключается в следующем. Некоторые люди или животные оказываются слепыми не из-за того, что у них повреждены глаза, а из-за травмы мозга. Если травма затронула только часть коры головного мозга, ответственной за обработку зрительной информации, то в поле зрения такого пациента будет находиться слепое пятно. Травма примечательна тем, что хотя пациент слеп, – т.е. не видит объекты в нашем смысле слова, например, не может описать, какого цвета та или иная фигура, – он, тем не менее, способен определенным образом регистрировать объекты внешнего мира. Например, если такого пациента попросить догадаться, помещен ли в его поле зрения крестик или нолик, или же движется ли луч света в этом поле по вертикали или горизонтали, то пациент будет способен в большинстве случаев ответить правильно. По-видимому, это объясняется тем, что часть зрительной информации все же достигает здоровых участков мозга и способствует формированию правильного мнения. Иначе говоря, определенная зрительная информация оказывается доступной для пациента, несмотря на то, что феноменальный опыт видения того или иного объекта у него, конечно же, отсутствует.

В работе Лурии⁸ мы находим еще более завораживающий пример наличия информации, определенного знания без феноменальной осведомленности об этом знании. В этой работе задокументирован случай Засецкого – солдата, получившего во время войны ранение в голову, в результате которого он потерял память о значительной части своей жизни. Однако информация об этом периоде жизни не была полностью утрачена. Она продолжала храниться где-то в глубинах его мозга. У Засецкого просто не было доступа к этой информации до той поры, когда ему все же удалось найти способ вернуть себе эту информацию. После ранения у него сохранились навыки письма. Развив навык автоматического письма, т.е. позволяя записываемой информации течь без помех, не заботясь о том, имела ли она какой-нибудь смысл для него, Засецкий постепенно на бумаге реконструировал свое прошлое. Однако прошлое, которое теперь стало для него доступным, тем не менее, продолжало оставаться чем-то чужеродным для него. Согласно Локку, тождество личности зависит от памяти, но в случае Засецкого это тождество оставалось нарушенным, несмотря на то, что в определенном смысле собственная память стала ему доступна. Обладая информацией о себе, своей жизни, осознавая ее правильность, Засецкий был лишен феноменального сознания, субъективного видения своей жизни.

По мнению Фланагана, случай Засецкого и феномен слепого зрения являются хорошими примерами наличия Д-сознания без Ф-сознания⁹. Фланаган использует для описания этой ситуации свои термины: информационная чувствительность (*informational sensitivity*) и экспериенциальная чувствительность (*experiential sensitivity*). Например, пациент со слепым полем зрения, обладая информационной чувствительностью, способен зарегистрировать присутствие какого-либо объекта в этом поле зрения и дать правильный ответ. Однако в отличие от обычного человека у него отсутствует экспериенциальная чувствительность, которая позволила бы ему говорить о том, каково это для него – воспринимать данный предмет. Можно сказать, что подобный субъект будет обладать знанием без феноменальной осведомленности о нем. По мнению Фланагана, такой случай является примером реальной возможности зомби. Иначе говоря, и пациент со слепым полем зрения, и Засецкий, фактически, представляют собой зомби – существ,

⁸ Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир: история одного ранения. – М.: Издательство Московского университета, 1971.

⁹ Flanagan O. Conscious Inessentialism and the Epiphenomenal Suspicion // *The Nature of Consciousness*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.

функционально подобных обычным людям, но лишенных феноменального сознания.

Можно ли согласиться с подобным выводом? Согласно Блоку, такой вывод не справедлив. Дело в том, что в рассмотренных случаях мы имеем дело с людьми, которые как раз не подобны функционально обычным людям. Нельзя сказать, что у них отсутствует только феноменальное сознание, как полагает Фланаган. У них также отсутствует Д-сознание. Фланаган не прав, отождествляя свое понятие информационной чувствительности с понятием доступного сознания. Блок не спорит с тем, что, например, пациент со слепым полем зрения обладает какой-то информацией или информационной чувствительностью. Однако он не обладает такой информацией, которая позволила бы ему действовать подобно полноценному человеку, т.е. такая информация для него недоступна. Способность давать правильные ответы, находясь в простых условиях эксперимента, когда человека специально просят выбрать из двух вариантов, не свидетельствует о наличии у него Д-сознания. В ситуации отсутствия подсказки пациент ведет себя как обычный слепой человек. Например, сидя перед стаканом с водой, он никогда не возьмет этот стакан, даже если будет испытывать жажду.

Ситуация наличия информационной чувствительности без экспериенциальной чувствительности не тождественна ситуации наличия Д-сознания без Ф-сознания. Прежде всего, те два вида сенситивности, о которых пишет Фланаган, не являются двумя видами сознания. Это, скорее, два отдельных когнитивных механизма в структуре единого сознания. Каждый из этих механизмов выполняет определенную функцию. Отсутствие одного из них влечет ухудшение функционирования всей сферы психического. Более того, наблюдая за тем, что изменяется в функционировании психики в отсутствие, например, экспериенциальной составляющей, мы можем сказать, какую функцию выполняет этот вид сенситивности.

Таким образом, допустить наличие информационной сенситивности без экспериенциальной не означает признать возможность зомби. Зомби – это существа подобные нам во всем функционально, но без феноменального сознания. Это значит, что феноменальное сознание не является какой-то частью единого сознания, которая выполняет определенную функцию. Это именно отдельное сознание. Признать его наличие, т.е. показать возможность Д-сознания без Ф-сознания, фактически, означает допустить эпифеноменализм. Именно этой позиции

пытался избежать Фланаган, вводя два вида чувствительности и стремясь показать, что мы *можем* выявить функции экспериенциальной чувствительности. Однако, вводя новые понятия, он, фактически, начинает рассматривать иную ситуацию, которая не является сколько-нибудь сложной.

В подобной ситуации оказываются все, кто пытается проинтерпретировать Д-сознание как отдельный когнитивный механизм. Например, Бёрдж переопределяет Д-сознание как рационально-доступное сознание¹⁰. Парадигмальным примером таких сознательных состояний являются мысли. Однако если под этим понимается отдельная когнитивная способность, то, очевидно, что существо, у которого присутствует только эта способность, функционально будет ущербно по сравнению с тем, у кого наличествует еще и феноменальное сознание. Подобного рода различия Д-сознания и Ф-сознания Блок называет тривиальными. При таком понимании этих понятий объяснение функций Ф-сознания не представляет особой сложности. Достаточно зафиксировать, *что* функционально утрачивается в ситуации отсутствия феноменального сознания.

В каком-то смысле Блок сам способствует подобной тривиализации различия данных видов сознания, когда указывает на то, что, по его мнению, является парадигмальными примерами Д-сознательных состояний (мысли, мнения, желания). Чтобы избежать возможной тривиализации вводимого различия, необходимо, на мой взгляд, представить Д-сознательные состояния просто как репрезентативные состояния, содержание которых может быть выражено пропозицией. Эти состояния не обязательно должны быть мыслями, мнениями или желаниями. Любая информация, даже та, которую несет какое-либо феноменальное состояние, оказываясь доступной для исполнительной системы, становится Д-сознательным состоянием. В случае с зомби подобные сознательные состояния будут лишены феноменального аспекта.

Другое, удачное, на мой взгляд, предложение, как избежать тривиализации различия двух видов сознания, сделал Чалмерс¹¹. Как уже отмечалось, сложным для объяснения феноменальное сознание делает то, что оно, как правило, присутствует и отсутствует

¹⁰ Burge T. Two Kinds of Consciousness // The Nature of Consciousness. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.

¹¹ Chalmers D. Availability: The Cognitive Basis of Experience? // The Nature of Consciousness. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.

одновременно с доступным сознанием. Однако Блок не разъясняет, что значит, что эти два вида сознания «как правило» встречаются вместе. Подобная характеристика может предполагать, что бывают случаи, когда эти два вида сознания присутствуют по отдельности. Если это так, то эти случаи и стоит изучать с тем, чтобы выявить, какие функции зависят от каждого вида сознания. Подобное представление тривиализирует различие доступного и феноменального сознания. Чтобы этого не происходило, Чалмерс предлагает так переопределить Д-сознание, чтобы Д-сознание и Ф-сознание, будучи разными видами сознания, всегда встречались вместе. Для этого он предлагает рассматривать в качестве Д-сознательных состояний не ту информацию, которая доступна для управления мышлением и поведением в данный момент, а любую информацию, в принципе доступную (available) для управления любым поведением, в том числе рациональным. Фактически, доступность (availability) подобных ментальных состояний при таком переопределении становится диспозициональным свойством. Д-сознание, представленное как информационные процессы, в принципе доступные для управления широким спектром поведенческих реакций, объясняет функционирование всей сферы психического, а не какого-то одного когнитивного модуля. При таком понимании Д-сознания выделение двух видов сознания действительно становится нетривиальным, и, по сути, оно изначально предполагает допущение эпифеноменализма, которое базируется на представимости Д-сознания без Ф-сознания.

Однако представимо ли такое Д-сознание без Ф-сознания? Иначе говоря, возможно ли, чтобы мы, полностью описав функционирование всей сферы психического, тем не менее, упустили феноменальные аспекты психики? Чалмерс полагает, что представить такую ситуацию значит представить зомби, что, по его мнению, вполне возможно. Блок также допускает концептуальную возможность Д-сознания без Ф-сознания. Однако он простит представить не зомби, а особых супер-слепозрячих пациентов (super-blindsight), т.е. таких пациентов, которые не нуждаются в подсказках в виде наводящих альтернативных вопросов для того, чтобы определить, что находится перед ними. Их способности распознавать объекты окружающего мира развиты настолько, что они могут ориентироваться в этом мире подобно обычным людям. Однако при этом они продолжают заявлять подобно остальным пациентам со слепым полем зрения, что ничего не видят. По мнению Блока, представить такую ситуацию не значит признать, что имеются реальные

случаи наличия Д-сознания без Ф-сознания. Однако концептуальная возможность такой ситуации имеется.

По мысли Блока, Чалмерса и многих других философов, разделяющих подобную интуицию относительно природы сознания, представимость данной ситуации обуславливает введение понятия феноменального сознания, обозначающего особый вид сознания, отличный от того, который обозначается понятием доступного сознания. По сути, здесь предлагается следующее рассуждение формы *modus ponens*. Если возможно в принципе полностью объяснить функционирование всей сферы психического, но при этом не затронуть феноменальные аспекты психики, то данные аспекты, фактически, представляют собой особый нефункциональный вид сознания. Представимо, что полное объяснение психики с точки зрения ее функционирования может упустить феноменальные аспекты психики, поскольку зомби представимы. Следовательно, полное описание психики предполагает допущение существования особого нефункционального вида сознания, каковым является феноменальное сознание.

Несомненно, что данное рассуждение является правильным, и вывод с необходимостью следует из посылок. Однако означает ли это, что мы обязаны его принимать? Я полагаю, что если бы вторая посылка действительно имела бы такую убедительную силу, которую имеют высказывания, описывающие несомненные факты, то нам следовало бы принять заключение. Однако то, что утверждается в antecedенте условного высказывания, не является очевидным. Более того, мы можем атаковать вторую посылку, отказываясь признавать существование феноменального сознания. Иначе говоря, против рассуждения эпифеноменалистов мы можем выдвинуть рассуждение формы *modus tollens*. Принимая условное высказывание, в качестве второй посылки мы используем отрицание консеквента этого высказывания: не верно, что существует особый вид сознания, который был бы необъясним функционально. Следовательно, не верно, что представима такая ситуация, когда мы дали бы полное функциональное объяснение всей сферы психических феноменов, но при этом упустили бы феноменальные аспекты психики. Иначе говоря, зомби непредставимы.

Подобный философский трюк был использован Муром в его знаменитом доказательстве бытия внешнего мира, отсюда происходит его название – «смещение Мура». Его суть заключается в том, что *modus ponens* оппонента превращается в ваш *modus tollens*. Фактически, это означает, что вы выбираете противоположную стратегию аргументации и

стремитесь продемонстрировать, что те посылки, на которых оппонент основывает свое рассуждение, не являются очевидными.

Как мне кажется, именно такой путь выбирает Деннет, полемизируя с Блоком¹². Отказываясь принимать феноменальное сознание как особый вид сознания, Деннет подвергает сомнению представимость зомби, т.е. представимость существ, которые во всем тождественны обычным людям за исключением того, что у них отсутствует феноменальное сознание. Подвергая сомнению представимость зомби, он перекладывает бремя доказательства того, что это представимо, на Блока. По сути, Деннет спрашивает Блока, как это возможно – представить существо полностью тождественное обычному человеку, однако без феноменального сознания. Что это значило бы? Кажется, что мы сталкиваемся здесь с какой-то формой бессмысленности. Например, представим, что супер-слепозрячий пациент в подробностях описывает нам, что видит на экране компьютера букву X, набранную курсивом, шрифт буквы – Times New Roman, высота – около двух дюймов, цвет – ярко-оранжевый на голубом фоне и т. д. После всего этого он заявляет, что на самом деле он не видит эту букву, не воспринимает ее так, как видит на нормальном участке поля зрения, при этом его описание того, как он воспринимает эту букву на нормальном участке зрения, полностью совпадает с предыдущим описанием. Услышав подобное заявление, мы, вероятно, спросим себя, что он имеет в виду. В данном случае у нас не больше оснований доверять сказанному пациентом, чем в случае, когда он стал бы уверять нас, что обладает феноменальным сознанием, но при этом все, что он мог бы сказать о воспринимаемом объекте на экране, сводилось бы к тому, что это – X, а не O. Таким образом, мы не можем принять слова пациента в качестве решающего свидетельства. Что еще могло бы заставить нас подумать, что у человека отсутствует какой-то вид сознания, если он говорит, думает, действует, реагирует на окружающий мир, так же как и обычный человек?

Кажется, у нас вообще нет оснований различать Ф-сознание и Д-сознание. Однако как в таком случае интерпретировать примеры с общей амнезией, эпилепсией *retit mal*, которые приводились в начале статьи? Для Блока эти примеры являются примерами наличия Ф-сознания без Д-сознания. Отгалкиваясь от схемы, предложенной Шакером, он пытается представить наличие Ф-сознания без Д-сознания как ситуацию, когда

¹² Dennett D. *The Path Not Taken // The Nature of Consciousness*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.

информация из блока феноменального сознания не достигает блока исполнительной системы или способность исполнительной системы управлять мышлением и поведением в силу каких-либо причин ограничена. Именно с такой ситуацией, по мнению Блока, мы сталкиваемся в случае с пациентами, испытывающими боль, находясь под общей анестезией. Как полагает Блок, действие общей анестезии сводится к тому, чтобы подавить способность исполнительной системы запустить механизмы, связанные с мышлением и поведением. В ситуации же с эпилепсией *petit mal* новая информация, поступающая в феноменальное сознание, вообще не становится доступной модулю исполнительной системы. Этим объясняется автоматичность поведения пациентов, которые продолжают выполнять действие согласно тем инструкциям, которые содержались в исполнительной системе до припадка. Именно поэтому, закончив выполнение продолжающегося действия, они не начинают нового действия.

Приводя другие примеры Ф-сознания без Д-сознания, Блок уточняет свое понимание феноменального сознания. Например, он сообщает об эксперименте, в котором испытуемому в течение короткого периода времени (50 мс) демонстрируют матрицу, составленную из букв (3 ряда по 3 буквы). Как правило, испытуемые сообщают о том, что видят все буквы. Если сразу же после экспозиции попросить их назвать буквы в требуемом ряду, то они справятся с этой задачей, но как только они ее выполнят, они оказываются не в состоянии назвать остальные буквы. Блок интерпретирует этот эксперимент следующим образом. Испытуемый обладает Ф-сознанием всех экспонируемых букв, но доступной для воспроизведения оказывается только часть информации, т.е. субъект обладает Д-сознанием только одного ряда букв. Другой пример взят из жизни. Человек, увлеченный какой-либо беседой, внезапно осознает, что уже некоторое время за окном работает отбойный молоток. Это не значит, что минутой раньше он не слышал этих звуков. Несомненно, определенный опыт восприятия ведения дорожных работ он переживал, однако информация об этом опыте стала доступной ему лишь через некоторое время. Результатом доступности этой информации стало то, что человек закрыл окно.

Фактически, в этих примерах феноменальное сознание предстает как фоновое сознание. Оставаясь недоступным для рационального осознания, оно, тем не менее, сознается, более того, оно насыщает нашу жизнь различного рода оттенками, ароматами, делая наш опыт *каким-то*, формируя его качественные аспекты. Если мы согласны, что такого рода

сознание возможно, то, по-видимому, нам следует принять и тезис, что наличие этого сознания возможно в ситуации отсутствия Д-сознания.

Однако, очевидно, что подобное различие феноменального и доступного сознания уже не является нетривиальным. В приведенных выше примерах Д-сознание фактически понимается как когнитивный механизм, ответственный за наличие рационального поведения, речи, мышления. Ничто также не говорит в этих примерах, что феноменальное сознание является каким-то сложным, таинственным объектом, не поддающимся объяснению. Таким образом представленное феноменальное сознание уже не является эпифеноменом. По сути, оно является такого же рода информационными процессами, которыми является и доступное сознание.

По мнению Деннета, для объяснения феноменального сознания мы не нуждаемся в качественных понятиях, достаточно использовать такие количественные понятия, как «богатство содержания» и «степень влияния». Иначе говоря, феноменальное сознание не является особым видом сознания. Вообще, не существует нескольких видов сознательных состояний. Скорее, состояния сознания следует различать по тому, какое влияние они способны оказать в системе других ментальных состояний и насколько богатым содержанием они обладают.

Я полагаю, можно согласиться с Деннетом в том, что вопрос о феноменальном сознании это не вопрос о наличии или отсутствии особого вида сознания, а всего лишь вопрос того, насколько содержательными и влиятельными оказываются наличествующие ментальные состояния. Кроме того, я думаю, что можно присоединиться к мнению Чёрч, считающей, что «феноменальное сознание» и «доступное сознание» обозначают одно и то же¹³ [Church J. 1997]. Однако я предлагаю рассматривать доступное сознание так, как это делал Чалмерс, т.е. понимая под этим те информационные процессы, которые находятся в *глобальном рабочем пространстве* (термин Баарса), которые обладают диспозициональным свойством быть глобально доступными для управления широким спектром реакций. Фактически, можно представить феноменальные сознательные состояния как информационные состояния с достаточно богатым содержанием, достигшие определенного уровня интегрированности с другими информационными состояниями.

Понимая феноменальное сознание таким образом, мы избегаем картезианского модуляризма, т.е. мы можем исключить из схемы,

¹³ Church J. Fallacies or Analyses? // The Nature of Consciousness. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.

используемой Блоком, модуль феноменального сознания. Фактически, это необходимо сделать, если мы отождествили Д-сознание и Ф-сознание. Ведь, как уже отмечалось, на схеме, предложенной Блоком, Д-сознание не представлено отдельным блоком, поскольку оно характеризуется информационными связями, устанавливаемыми между остальными блоками единой когнитивной системы. Как мне кажется, наличие феноменального сознания может быть объяснено уровнем интегрированности тех процессов, которые имеются в когнитивной системе. Если взаимодействие информационных процессов вырастает до определенного уровня сложности, то можно говорить о присутствии феноменального сознания. Фактически, убирая из схемы блок феноменального сознания, мы отводим особую роль в функционировании когнитивной системы специализированным модулям. Отсутствие достаточной интегрированности с остальным информационным пространством содержания, репрезентируемого каждым из модулей, объясняет наблюдаемый в той или иной области дефицит сознания.